

— А-а-а... — Фу Дун широко разинул рот. Он бегал живыми, лукавыми глазёнками, то и дело косясь на сидевшего рядом Мао Сяофэя.

Мао Сяофэй выдавил слабую улыбку.

— Ну как он? — спросил Мао Сяофэй у военного врача, как только они вышли из бревенчатой хижины. Обернувшись, он скользнул взглядом по окну: мальчика там не было. «Сегодня он ведёт себя на редкость смирно», — подумал Сяофэй.

— Ещё два приёма лекарства, и жар окончательно спадёт, — лекарь задумчиво потёр пальцы и, подняв на Мао Сяофэя серьёзный взгляд, добавил: — Но сильная лихорадка повредила его уши. Слух пострадал, и моих скромных умений, боюсь, не хватит, чтобы вернуть всё как было.

Мао Сяофэй мгновенно затрепетал от тревоги:

— Но у вас же наверняка есть знакомые лекари! Неужели никто не сможет помочь? Посоветуйте кого-нибудь, умоляю!

— Видишь ли... — замялся врач. — Скрывать не стану: если бы моё искусство в лечебном деле чего-то стоило, я бы практиковал в столице, а не таскался за армией по военным лагерям.

Мао Сяофэй бессильно поник.

— Но я поспрашиваю, — смягчился лекарь. — Может, кто-то и слышал о мастере, способном исцелить такой недуг.

Эта слабая надежда заставила Мао Сяофэя рассыпаться в благодарностях. Он готов был пасть лекарю в ноги, отчего тот лишь смущённо замахал руками:

— Полно тебе, не нужно коленопреклонений. Сразу предупреждаю: обещать ничего не могу. Если не найду...

— Даже если не найдёте, я слова дурного не скажу! Спасибо вам, огромное спасибо!

Вернувшись в хижину, он застал Фу Дуна за весёлой игрой: задрал ноги кверху и натянув одеяло, мальчик катался по постели упругим клубочком.

Мао Сяофэй глубоко вздохнул, сгоняя с лица тень грусти, подошёл к кровати и сгрёб мальчишку в охапку. Фу Дун послушно обмяк, уткнулся носом в его шею и ласково заёрзал,

прижимаясь тёплым, нежным тельцем к его щеке.

— Папа...

От этого тихого шёпота у Мао Сяофэя защемило в груди, к горлу подступил ком. Едва сдерживая слёзы, он крикнул погромче, чтобы ребёнок расслышал:

— Я здесь!

— А сегодня ты никуда не уйдёшь? — из-за плохого слуха Фу Дун тоже невольно заговорил громче обычного.

Мао Сяофэй подхватил его под мышки, приподнял и посмотрел на него. Яркий дневной свет заливал комнату, обнажая каждую мелочь. Сяофэй бережно пригладил вьющиеся вихры мальчика. У варваров не было обычая растить косы, да и волосы у Фу Дуна едва отросли — даже в куцый хвостик не собрать. Его глаза, похожие на гранёный чёрный огат, под прямыми лучами солнца отливали мягким каштановым блеском. Чистое, безмятежное детское лицо светилось невинностью.

— Погоди-ка, а ты не посветлел часом? — Мао Сяофэй согнул указательный палец и шутливо пощекотал его за щёку.

Мальчик заливисто расхохотался и увернулся.

Поняв, что сказал это слишком тихо, Сяофэй громко повторил вопрос.

— Правда посветлел? — Фу Дун подтянул к глазам кудрявую прядь с макушки и довольно сощурился, расплываясь в улыбке. — Папа, значит, я теперь красивее стал?

— Конечно красивее! Ты у меня всегда самый лучший.

Сяофэй снял его с постели и понёс во двор купаться.

С тех пор как мальчик занемог, его ни разу не мыли, и от него пахло кислым потом. Устроившись на плече отца, Фу Дун безвольно повис и принялся лениво тереть его за ухо.

Плескаться в воде Фу Дун обожал, так что к концу купания оба промокли до нитки. На просторном халате Сяофэя расплылись огромные тёмные пятна.

— Папа, смотри, что умею! — Фу Дун обхватил левую ногу руками и попытался дотянуться зубами до чистых розовых пальчиков.

Мао Сяофэй ахнул, поспешно укутал шалуна в сухую одежду и перенёс обратно на постель. Отросшие волосы мальчика сваялись в колтуны. Достав нож, Сяофэй принялся аккуратно состригать запутавшиеся пряди.

К тому времени как он закончил, утомлённый Фу Дун уже мирно посапывал, уткнувшись в его плечо.

Погода стояла прохладная. В суровом армейском быту жаровни полагались разве что генеральскому шатру, в простых же палатках стояла стужа. Зато в распахнутое окно лились тёплые солнечные лучи. Засыпая, Фу Дун прятался от яркого света, всё глубже зарываясь подмышку к Мао Сяофэю.

Сяофэй сбросил мокрую одежду, забрался под одеяло и бережно прижал к себе хрупкую детскую головку. Мальчик почувствовал размеренный стук отцовского сердца, свернулся калачиком и крепко заснул.

Солдаты, которых Бао Юй выделил для присмотра за птицей, приходили лишь дважды в день — помочь с кормёжкой. Едва они ушли, к хижине неожиданно подступил вооружённый отряд.

Мао Сяофэй выглянул из курятника. Возглавлял пришедших мужчина, с виду — пятидесятник.

— Мао Сяофэй! — зычно, словно в медный колокол, крикнул широкоскулый и губастый командир.

— Чего надо?

— Взять его! — рявкнул пятидесятник.

Прежде чем Сяофэй успел опомниться, его грубо скрутили, заламывая руки, и швырнули ничком на землю. Его больно вдавили лицом в грязь, так что он даже пикнуть не мог.

Перед глазами замелькали пыльные солдатские сапоги. Сяофэй побагровел от натуги. Он скосил взгляд на окно хижины — слава богу, пусто. Фу Дун спал и ничего не видел. Чуть подёргавшись для приличия, Сяофэй почувствовал, как хватка ослабла: ломать ему поясницу конвоиры не собирались. Его бесцеремонно вздёрнули за шиворот. В глазах заплясали искры, и он зажмурился, силясь сфокусировать зрение.

— Ведите!

Всё произошло настолько молниеносно, что Мао Сяофэй даже не стал тратить слова на

препирательства. С этими оловянными лбами говорить без толку — приказы тут отдают другие. Он просто прикрыл глаза, безвольно повиснув в чужих руках, и принялся лихорадочно соображать, как быть дальше.

Когда его вели мимо армейских кухонь, кашевары и стряпухи высыпали поглазеть на зрелище. В толпе поднялся негромкий шёпот.

— А ну разошлись! Чего вылупились?!

Мао Сяофэй уловил знакомый густой бас. Этот сочный, раскатистый голос, напоминающий грохот тяжёлой телеги, мог принадлежать только Бао Юю.

Оглядываться Сяофэй не стал. Вскоре конвой остановился у большого шатра. Пятидесятник скользнул внутрь — доложить о поимке.

Как только полог приоткрылся, в нос ударил тяжёлый, удушливый запах гари и палёной плоти. Мао Сяофэй невольно поморщился. В ту же секунду его бесцеремонно толкнули в спину.

Едва удержав равновесие, он огляделся. По обе стороны тянулись железные стойки, увешанные зловещими пыточными инструментами. Внутри царил полумрак — плотная бычья кожа не пропускала дневной свет, а духота от жаровен стояла невыносимая. Воздух казался раскалённым до предела.

Багровые отсветы пламени выхватывали из темноты суровые лица. Раздался сухой, приглушённый кашель, заставивший Сяофэя вздрогнуть. Вместе со звуком кашля сухо звякнули пластины тяжёлого железного доспеха.

Лицо показалось смутно знакомым.

На почётных местах восседали военачальники в полном боевом облачении, у каждого на груди тускло поблёскивала круглая зеркальная бляха. Некоторых из них Сяофэй уже видел в тот день, когда схватили Фу Дуна. Эти люди явно вершили судьбы в лагере. И среди них — вот ведь незадача! — ухмылялся помощник генерала Лю.

«Твою ж налево, и этот хрыч здесь...» — мысленно сплюнул Сяофэй.

Картина прояснилась. Мао Сяофэй быстро прикинул шансы и сощурился.

Не дожидаясь расспросов, он под удивлёнными взглядами присутствующих с глухим стуком рухнул на колени, вытянул руки перед собой и со всей силы приложился лбом к земляному

полу. Да так и замер в земном поклоне.

— Ты... ты что творишь? — опешил один из офицеров, указывая на склонённую фигуру. — Тебя ещё никто не спрашивал!

— Ничтожный раб виновен! Раб признаёт свою вину! — зычно запричитал Мао Сяофэй. Когда он поднял голову, на его лбу красовалась знатная багровая шишка.

— О как? Признаёшь, значит? — подал голос генерал Цзи. Сяофэй прекрасно помнил этого упрямца, который в прошлый раз рвался казнить бедного Фу Дуна, чтобы отомстить за своих павших солдат. — Ну так выкладывай, в чём грешен! И не вздумай лгать, иначе...

— Иначе сожгите меня заживо! — выкрикнул Сяофэй.

Генерала Цзи перекосило, седые усы смешно топорщились. На его физиономии отразилась такая гамма чувств, что и словами не описать.

— Этот мерзавец горазд зубы заговаривать, — ядовито процедил помощник генерала Лю. — Он и молодого генерала вокруг пальца обвёл, затуманил разум сладкими речами.

Несколько офицеров согласно закивали головами, будто лично видели, как Му Цаньшан лишился рассудка из-за этого бродяги.

— Что ж, — сухо бросил один из судей, — поведай нам о своих злодеяниях.

— Слушаюсь! — Мао Сяофэй отвесил ещё один поклон и во весь голос отчеканил: — Я — подданный Верхней Ци!

Офицеры переглянулись, их лица мгновенно помрачнели.

— Дерзость! — взревел оскорблённый в лучших чувствах генерал Цзи. — Издеваешься, паршивец?! Похоже, ты не заговоришь, пока тебе пальцы в тиски не зажмут!

Мао Сяофэй истошно завопил, заявляя о своей невиновности.

— погоди, старик, — придержал горячего вояку соседний командир. Никому не хотелось, чтобы Цзи в порыве гнева прирезал подследственного прямо здесь. Всё-таки у Мао Сяофэя было личное покровительство Му Цаньшана. И пусть к молодому генералу старая гвардия относилась со скепсисом, его отец — старый генерал Му — оставался незыблемым столпом Цинси, перед которым заискивал сам правитель. — Ты хоть понимаешь, за что тебя привели?

— Родиться в Верхней Ци и служить в армии Цинси — уже само по себе великий грех, — запричитал Сяофэй, искусно мешая шутовство с горькой правдой. — Смилуйтесь, господа генералы! Отпустите ничтожного обратно к сохе, а я уж до конца дней буду молиться за ваше здоровье и ставить поминальные таблички!

Он нарочно кричал во всю глотку, надеясь привлечь внимание. Но тут его осенило: раз эти стервятники осмелились схватить его, значит, молодого генерала Му сейчас нет в лагере. Шуметь бесполезно — заступиться некому.

— Хватит паясничать! — генерал Цзи погладил седеющую бороду и ледяным тоном произнёс: — Птица, за которой ты приглядывал, пала от птичьей холеры. А ты скормил отравленные яйца раненым воинам. И неважно, из какой ты страны — за умышленное душегубство закон везде один. Смертная казнь!

«Заражённые яйца? — обомлел про себя Сяофэй. — Но я же велел тем олухам всё выбросить!»

Ему очень хотелось потребовать очной ставки со слугами, но вовремя прикусил язык. Те солдаты подчинялись Бао Юю. Ссориться с интендантом — себе дороже, без его милости на хорошую кухню можно и не рассчитывать.

Мао Сяофэй медленно выпрямился, неторопливо отряхнул дорожную пыль с поношенного халата и расправил складки одежды. Дождавшись, пока генерал Цзи побагровеет от такого пренебрежения, он спокойно произнёс:

— Позвольте спросить, господа... А где же трупы? Коли обвиняете в убийстве, извольте предъявить тела. Напраслину-то возводить не надо.

— Напраслину?! — задохнулся от возмущения Цзи. — Мой род веками верой и правдой служил престолу...

— К моим скромным делам это не имеет отношения, — мягко перебил его Сяофэй, прищурившись.

Присутствующие в шатре были далеко не глупцами и быстро сообразили: действительно, парню из Верхней Ци дела нет до заслуг чужой династии. Воспользовавшись заминкой, Мао Сяофэй вкрадчиво добавил:

— Так где усопшие? Раз уж они отравились яйцами, в нашей доблестной армии наверняка найдутся лекари. Пусть осмотрят пострадавших. Ежели вина моя подтвердится — я безропотно приму кару. — Он тонко улыбнулся. — А коли нет... сдаётся мне, судите вы меня лишь за то, откуда я родом.

И он горестно вздохнул.

— Смерть или увечье — перед законом все едины! — вставил свои пять копеек помощник генерала Лю.

Прочие офицеры, пришедшие сюда лишь для того, чтобы сбить спесь с чужака, согласно закивали. Им не терпелось посмотреть на выскочку, который умудрился втереться в доверие к молодому генералу Му. Уйти ни с чем, не проучив наглеца как следует, они не могли — уязвлённое самолюбие требовало расправы.

— По твоей милости раненые солдаты изнывают от жестокой хвори, едва не расставаясь с жизнью, а ты даже не раскаиваешься! — Лю почтительно поклонился старшим офицерам и, получив одобряющий кивок, грозно зыкнул на конвоиров: — Привязать мерзавца к дыбе! Поглядим, насколько крепки его кости!

Но скромник, минуту назад пресмыкавшийся на коленях, преобразился в одно мгновение. Словно бешеный кролик, Мао Сяофэй рванулся с места, сбил с ног ближайшего стражника и стрелой вылетел из шатра.

— Держать его! Лови беглеца! — в ярости завизжал Лю.

Долгие годы воровской жизни приучили Сяофэя к одному простому правилу: уноси ноги при первой опасности. Бегал он быстрее ветра. Вырвавшись на волю, он во весь дух помчался в сторону лагеря новобранцев, сея на своём пути панику и заставляя зевак испуганно шарахаться в стороны.

Свист ветра упруго бил в уши. Вдруг впереди мелькнул знакомый силуэт. Завидев Сюй Ци, Сяофэй бросился к нему наперерез.

Сюй Ци как раз шёл к ручью, неся таз с грязным бельём для стирки.

Ловко вильнув, Сяофэй юркнул за его широкую спину и взмолился:

— А-Ци! Спасай! Помощник генерала Лю с ума сошёл, прирезать меня хочет! Спрячь меня куда-нибудь, умоляю, хоть под землю зарой!

Погоня ещё не успела показаться на горизонте. Сюй Ци нахмурился, молча швырнул таз на землю и, подхватив Мао Сяофэя, закинул его на плечо. Мир завертелся перед глазами. Когда Сяофэй пришёл в себя, он с изумлением обнаружил, что летит над землёй. Сюй Ци ловко обходил патрули и, как только выдавался удобный момент, задействовал технику лёгкости-цингун.

За всю свою жизнь Сяофэй ни разу не видел, чтобы кто-то передвигался так стремительно и

бесшумно. От удивления у него перехватило дыхание, и он лишь беззвучно хватал ртом воздух.

Военный лагерь таял позади. Впереди уже высилось крутое ущелье «Нить неба». Ещё пара прыжков — и они окажутся на свободе, предоставленные самим себе.

Но тут Сяофэя точно громом поразило. Он с размаху влепил себе по лбу ладонью и в отчаянии завопил:

— Стой, Сюй Ци, стой! Поворачивай назад! Мой сын... Фу Дун остался в хижине! Мы не можем его бросить!

Сюй Ци даже ухом не повёл. Не проронив ни слова, он упрямо нёсся вперёд, взбираясь по каменным ступеням ущелья.

Изловчившись, Мао Сяофэй нагнулся и что было сил вонзил зубы в широкое плечо беглеца.

Сюй Ци глухо крикнул от неожиданности и наконец остановился.

Сяофэй мысленно возликовал. Сам-то он кусал не всерьёз, даже кожи не прокусил, просто хотел привлечь внимание.

— Прости, брат, но сына я не брошу, — торопливо заговорил он. — Сделай милость, подожди нас здесь, а я мигом сбегу за малым. Или пойдём вместе, так надёжнее будет... Эй, ты чего удумал?! Пусти... М-м-м!!!

Сяофэй в ужасе округлил глаза. Сюй Ци бесцеремонно заткнул ему рот обрывком ткани, а его пальцы мёртвой хваткой впились в плечо несчастного, лишая возможности даже пикнуть от боли.

Вытащив пояс Сяофэя, Сюй Ци накрепко связал ему руки и ноги. Окинув пленника довольным взглядом, он вновь закинул его на плечо и в несколько стремительных прыжков преодолел перевал, скрывшись в густой лесной чаще.